

«Десять дней на Босфоре»: к вопросу об анонимности травелога¹

Вопрос об изучении поэтики травелога, жанра в сущности неопределенного и компромиссного, возникающего в результате пересечения различных форм, зачастую оказывается связанным с литературной репутацией автора или его окружением. Очевидно, что в истории литературы в первую очередь играют роль (и, как следствие, опознаются читателем) авторизованные тексты, которые, как правило, принадлежат канонизированным фигурам. Например, в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Ф. М. Достоевского, «Письмах из-за границы» П. В. Анненкова или «Путешествии по святым местам русским» А. Н. Муравьева имя автора, открывая целый комплекс историко-литературных коннотаций, является гарантом определенного интереса как к самому произведению, так и к обстоятельствам его публикации.

Совершенно иную судьбу разделяют многие анонимные тексты, очевидно не представляющие историко-литературного интереса на протяжении длительного времени, в результате чего их авторизация либо становится сопряженной с определенными погрешностями, либо вовсе оказывается невозможной. Более того, вероятность сохранения рукописей и редакций анонимных текстов, зачастую лишь однажды опубликованных в каком-нибудь периодическом издании, оказывается ощутимо малой. Это замечание особенно актуально при типологической работе по составлению указателя русских травелогов.

Как известно, травелоги довольно часто являлись элементами тиражной продукции, то многократно воспроизводя некогда сказанное и описанное (включая прямые заимствования из путеводителей), то представляя апробированный инструмент идеологического влияния редакции и определяя мировоззрение читателя, то «заполняя» пустые места, порою неожиданно возникающие лакуны в толстых журналах (как

¹ Статья подготовлена в рамках реализации гранта РГНФ *Аннотированный указатель «Русский травелог XVIII — начала XX века»* (грант № 15-04-00508, тип проекта «а»).

и иная беллетристика подобного рода)². Тем не менее, совершенно разные по своему качеству, собранные вместе, они позволяют с большей точностью представить картину эволюции данного жанра, определив как его интегральные, так и дифференциальные черты. В этом плане практически не существует текстов, которыми можно было бы пренебречь, вне зависимости от того, насколько значимое место их автор занимает в истории литературы.

***

Оговоримся, что имя автора травелога «Десять дней на Босфоре» (1883) неизвестно. Очевидно, речь идет о журналисте катковского круга, сотрудничавшем с «Московскими ведомостями»³ и, более того, поместившем там корреспонденцию на сходную тему. В отличие от заметки в «Московских ведомостях», «Десять дней на Босфоре» представляют собой литературный фельетон. Такая жанровая природа вызывает вопросы, учитывая то обстоятельство, что фельетоны вообще были мало свойственны и органичны поэтике «Русского вестника». Тем не менее, анализ повествовательных особенностей данного текста позволяет убедиться в мотивированности такого выбора.

Повествование ведется от лица босфорского старожилы, гражданина Российской империи, по-видимому, долгое время жившего в Константинополе, кроме того, имеющего в Севастополе родственников. Собственно, приезд севастопольской тетки, о котором сообщается в тексте депеши: «Arrivons demain, embrassons tendrement. Petka Macha» [Десять дней 1883: 198],

² Об этом см.: Шёнле 2004; Соловьев 2011; Мамуркина 2012; Милюгина, Строганов 2013; Анисимов 2014; Печерская 2015, Козлов 2015.

³ На наш взгляд, наиболее вероятной кажется принадлежность рассматриваемого текста сотрудникам «Московских ведомостей» — Н. Я. Гроту или Е. П. Новикову. Последнему, долгое время прожившему в Константинополе, принадлежит серия публикаций, озаглавленных «Константинопольские письма». Однако эти указания носят исключительно характер предположений, не связанных с документально подтвержденной атрибуцией.

и становится сюжетообразующим событием. При этом с первых страниц фельетона запускается своеобразный механизм интерпретации, действие которого отменяет неправомерные догадки читателя, давая ему взамен некоторые *проницательные* суждения:

Разумеется, я понял, что *petka* значило «тетка» и что множественное число в глаголах намекает о двух или нескольких посетителях; одно было для меня темно: как это моя тетушка, бесспорно умная женщина, вместо «embrassons tendrement» не проставила чего-нибудь понужнее, например, когда приблизительно должен прийти пароход или сколько именно с нею человек приезжает [Десять дней 1883: 198].

Разгадав таким образом текст телеграммы, босфорский родственник, играя пассивную роль в будущей комедии положений, заказывает завтрак на троих.

В день приезда первоначальный план повествователя, как и его интерпретация, рушатся:

Однако что же это, насмешка? Еще какие-то русские дети... Все это общество несомненно очутится на моем попечении. Теперь букеты хоть в воду бросай, завтрак тоже пропал: я так голоден, что его на меня одного не хватит. Боже мой, еще трое... это уж слишком, остается самому вслед за букетами броситься в море [Десять дней 1883: 199].

Стараюсь среди перекрестного огня расспросов и поцелуев незаметно пересчитать дорогих гостей. Их девять душ! [Десять дней 1883: 200].

Так, возникающий эффект обманутого ожидания (в сущности, навязанный читателю повествователем), демонстрирует в довольно комическом ракурсе предельное раздражение, вызванное появлением русских туристов (что является опознаваемой чертой русского форестьера), далее сменяемое неизбежным смирением. Повествователь подробно объясняет ход своих мыслей и дальнейших действий:

Итак, мне предстоит возить целый пансион по константинопольским примечательностям и окрестностям. Пансион пробудет здесь с лишком неделю, и мы успеем осмотреть, если не все, то главное (всего смотреть и не стоит).

Не воспользоваться ли этим случаем, чтобы сидя на месте описать вам «Путешествие из Константинополя» [Десять дней 1883: 200].

Совпадение двух различных интенций — путешествия (точнее, путешествования) и письма — являясь распространенным нарративным приемом, становится одним из первых маркеров литературной подоплеки происходящего.

Действительно, далее перед читателем — «дневник одной недели», повествование о десятидневном путешествии, в котором принимают участие франкофилы Кроликовы, типичные «русские парижанцы», малолетние избалованные дети, точно сошедшие со страниц «Живописца» или «Трутня», капризные барышни — своего рода липецкие кокетки или крыловские дочки, и, разумеется, тетка Маша, сочетающая в своем характере черты Афросиньи Сысоевны⁴ и г-жи Простаковой. При этом, называя головной убор тетки *тарантасом*, повествователь не только показывает несообразность бытовых привычек русских туристов, но и, подчеркивая самую идею движения, указывает на один из прецедентных текстов в истории русского травелога. Так, с первых страниц, достигая повышенной плотности интертекста, автор травелога фактически разрушает каноническую модель реалистического повествования (в полной мере утвержденную «Фрегатом Паллада» И. А. Гончарова), возвращая своего читателя ко времени комедиографии екатерининского времени и первым сентиментальным путешествиям.

Организуя роли своих гостей, повествователь выстраивает предельно марионеточный сюжет, где каждый член «пансиона» выполняет однозначную функцию, определяемую его характером. Здесь можно увидеть довольно прозрачную аналогию, возникающую между эмпирическим читателем и условным типом: так, дети, задающие глупые вопросы и совершающие необдуманые поступки, соответствуют усредненному адресату детской литературы, искушенные франкофилы Кроликовы — типичным русским туристам, наконец, кокетничающие

⁴ Персонаж комедии М. И. Веревкина «Так и должно».

о местоположении Константинополя, сопроводив рассказ иллюстрированным описанием⁵ [см.: Десять дней 1883: 211—212], и недавно открытом Robert College [см.: Десять дней 1883: 203—205], акцентировать внимание на социальных и гигиенических проблемах — бродячих собаках, бегающих по городу [см.: Десять дней 1883: 201—202], и нищих, а также в популярной форме представить особенности измерения времени по турецким часам [см.: Десять дней 1883: 211]. Отдельного внимания заслуживает описание денежного курса [см.: Десять дней 1883: 209—210], в котором политико-экономические тонкости излагаются с легкостью и непринужденностью раннего «Современника».

По истечении десяти дней повествователь торжественно везет пансион к ожидающему его пароходу. Закономерный вопрос о понравившемся и запомнившемся разрешается в духе фельетонного сюжета:

— А что вам больше всего понравилось?

— Во-первых, когда мы подъезжали, и потом, когда ночью пили на крыше чай [Десять дней 1883: 257].

Отъезд родственников составляет заключительное фабульное звено: вместе с исчезновением литературных типов иссякает и энергия сюжета. Как видим, в заключительном ответе продемонстрирован нулевой результат осуществленной поездки: все сколько-нибудь экзотическое, составляющее подлинную поэзию места, не укладывается в прокрустово ложе обывательского воззрения, а потому оказывается отброшенным за ненадобностью. В то же время еще раз подчеркивается предельно усредненная картина мира, где путешествие в Константинополь, теряя свои краски, становится элементом филистерской повседневности и быта.

⁵ В ряде случаев повествователь апеллирует к своему детскому и, более того, школьному опыту: «Сужу отчасти по самому себе: в гимназии, в младших классах я считался чуть не первым учеником по географии, а между тем на экзамене, глядя на карту малого масштаба, отвечал, что столица Турции стоит на берегу Черного моря, и получил отличный балл. Про Золотой рог учитель географии не спросил и хорошо сделал: я решительно не сумел бы ответить, потому что не знал, что это — река, дворец или мечеть» [Десять дней 1883: 212].

***

В сущности, подобная конструкция вряд ли заслуживает анализа сама по себе, однако сказанное выше позволяет сделать предположение о некоторых интенциях автора, коррелирующих с общей прагматикой катковского издания. В середине 1870-х — начале 1880-х гг. в «Русском вестнике», чутко реагировавшем на внешнеполитические изменения, наблюдается лавинообразный поток очерков, путевых записок, дневников и писем, посвященных как турецкому вопросу, так и дипломатии в Константинополе⁶. В определенный момент число таких публикаций явным образом перевешивает публикуемые там же травелоги европейской и азиатской тематики, что обусловлено и русско-турецкой военной кампанией, и дипломатическими жестами обеих стран, неоднократно вызывавшими ноты

⁶ См. некоторые из них: С. [Е. П. Новиков.] Константинопольские письма // Русский вестник. 1867. Т. 69. № 5. С. 5—60; Н. В. Берг. Мои скитания по белу свету. Из Яффы домой // Русский вестник. 1867. Т. 71. № 9. С. 195—216; С. Н. Новиков. От Константинополя до Александрии. Дневник, веденный на пароходе // Русский вестник. 1868. Т. 74. № 4. С. 514—559; С. [Е. П. Новиков.] Письма о Греции // Русский вестник. 1868. Т. 77. № 10. С. 427—461; Т. 78. № 11. С. 140—164; № 12. С. 365—398; Ф. М. Бацетич. Из путевых записок. Сербия и Турция // Русский вестник. 1875. Т. 119. № 10. С. 661—717; Д. А. Скалон. Путешествие по Востоку и святой Земле в свите великого князя Николая Николаевича в 1782 году // Русский вестник. 1876. Т. 123. № 6. С. 505—570; [Н. К. Арбузов.] Воспоминания Русского туриста. Двухмесячное пребывание в Константинополе в смутное время // Русский вестник. 1876. Т. 124. № 8. С. 873—889; Т. 125. № 9. С. 462—490; М.-к. Поездка из Константинополя в Сараево в 1874 году // Русский вестник. 1876. Т. 125. № 10. С. 628—677; Ю. Н. Щербачев. Из Константинополя в Каир в 1876 году // Русский вестник. 1879. Т. 140. № 3. С. 138—223; К. Леонтьев. Мои воспоминания о Фракии // Русский вестник. 1879. Т. 140. № 3. С. 256—289; Т. 141. № 5. С. 206—214; Т. 143. № 9. С. 155—182; А. В. Вышеславцев. Между храмов и развалин // Русский вестник. 1880. № 1. Т. 145. С. 5—79; М. Аристид. Прямым путем и околицей. Отрывок из воспоминаний о путешествии в летнее время 1876 года по Румынии, Сербии и Турции // Русский вестник. 1880. № 8. С. 533—569; В. В. Гурьев. Письма священника с похода 1877—1878 // Русский вестник. 1880. № 11. С. 120—157. Данный список может быть продолжен, однако даже по этим источникам можно убедиться в некотором единстве нарративных и прагматических стратегий, чего нельзя сказать о рассмотренном фельетоне.

возмущения и протеста. При этом можно констатировать неоднородность наблюдаемого материала: от нейтральных туристических заметок к концу 1870-х гг. происходит поворот в сторону мемуаров, принадлежащих военным и добровольцам, а также членам дипломатической миссии. Наблюдаемые ландшафты нередко становятся в указанных текстах объектом не только рефлексии, но и почти неприкрытых притязаний на территорию города и его главную достопримечательность — храм Св. Софии⁷. Появление в этом ключе фельетона на большую тему давало возможность выйти за привычные рамки, очерченные имперскими амбициями.

Шуточный фельетонный путеводитель, построенный на нелепом приезде родственников, выполнен в духе английской юмористической литературы. Легкий сюжет и опознаваемые характеры создавали иллюзию полного присвоения пространства, а повествователь, точно сошедший со страниц «Пиквисского клуба», будучи праздным лицом, существующим вне привычных иерархий (не дипломат, не доброволец и не военный), воспринимался, по всей видимости, в рамках привычной национальной и социальной идентичности. Этот рассчитанный, по-видимому, эффект, превращал шуточный текст в популярное пособие для цивилизованного туриста: развлекая читателя, анонимный автор в то же время настойчиво, но ненавязчиво давал точные представления о некогда заповедном Константинополе. Этим, в частности, объясняется специфика повествования, балансирующего между привычным имперским полюсом и совокупной карикатурой, в которой отразились все пороки и глупости современных русских туристов.

⁷ Например, в опубликованных в 1880 г. письмах П. А. Каратыгина, приводится фрагмент из его сочинения: «С надеждой твердою и верой во Христа / С любовью к Царю пойдут сыны России, / И снова заблестит сияние креста / На куполе святой Софии» [Каратыгин 1880: 142]. Характерным в этом ракурсе выглядит завершение поэмы А. Н. Майкова «Пора», где описан одержимый историей князь: «Россия стала для него / Святыней, избранной страной; / Ее началам торжество / Пророчит в жизни мировой. Не могут де ее понять; Все точку зрения берут / На мир из Рима! Надо взять / из Византии — и поймут» [Майков 1880: 891].

Думается, в этом ракурсе корреляция рассмотренного текста с иными травелогами «Русского вестника» утрачивает свою парадоксальность.

* * *

Составляя несоизмеримо малую часть литературного процесса, рассмотренный выше текст в то же время позволяет составить представление о возможных деривациях исходного (и без того условного) жанра. Полиинтенциональный и полипрагматический травелог входит в интенсивное взаимодействие с иными жанрами беллетристики и публицистики, следствием чего становится как изменение контуров периферии, так и трансформация жанрового ядра.

Принятый «Русским вестником» фельетон «Десять дней на Босфоре», условно коррелирующий с классическими путевыми записками, не только подтверждает эту мысль, но и позволяет реконструировать некоторые прагматические задачи редакции, заключающиеся как в воспитании читательской аудитории, так и в культивации на страницах издания глобальной имперской идеи⁸.

В этом ракурсе изучение анонимного текста, осуществленное без атрибуции и вне зависимости от литературной репутации автора, обретает методологический смысл. Таким образом, задача, поставленная некорректно с текстологической точки зрения, оказывается разрешимой в историко-литературном ключе, свидетельствуя и об эволюции исходного жанра, и о прагматике образующей его среды, в частности, толстого журнала.

СОКРАЩЕНИЯ

Десять дней 1883 — *Н. Десять дней на Босфоре* // *Русский вестник*. 1883. № 3. Т. 164. С. 198—257.

---

⁸ О журналистике М. Н. Каткова см.: Деревягина 2004; Трофимова 2007.

